

Лысак Ирина Витальевна

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается соотношение понятий "междисциплинарность" и "трансдисциплинарность" и анализируется возможность применения указанных подходов к исследованию человека. В работе выявлены основные проблемы, ограничивающие проведение междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, в частности, такие как несовпадение специализированных языков, присущих отдельным научным дисциплинам, и отсутствие специфической методологии, позволяющей интегрировать разрозненные знания в новую целостную систему.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 134-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Абеледарский Л. С.** Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI – XVII в. / под ред. З. Ю. Копысского. Минск: Высшая школа, 1978. 256 с.
2. **Бессонаў С. В.** Беларускія мастацкія майстры ў Маскве XVII стагоддзя // Весці Акадэміі навук БССР. Адад грамадск. навук. 1947. № 1. С. 75-81.
3. **Гісторыя Беларускай ССР:** у 5 т. / АН БССР, Інстытут гісторыі; гал. рэдкал. І. М. Ігнаценка (старш.) і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1972-1975. Т. 1. Першабытнаабшчынны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму. 1972. 632 с.
4. **Готье Ю. В.** Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 595 с.
5. **Игнатенко А. П.** Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII – XVIII в.). Минск: Изд. БГУ, 1974. 192 с.
6. **Мальцев А. Н.** Россия и Белоруссия в середине XVII в. / под ред. В. А. Александрова. М.: Изд-во МГУ, 1974. 255 с.
7. **Русско-белорусские связи во второй половине XVII в.:** сборник документов (1667-1686 гг.) / отв. ред. А. П. Игнатенко. Минск: Изд. БГУ, 1972. 542 с.
8. **Русско-белорусские связи:** сборник документов (1570-1667 гг.) / отв. ред. Л. С. Абеледарский. Минск: Высшая школа, 1963. 534 с.

**PROBLEMS OF WAR HISTORY OF BELARUS OF THE XVI-XVIII CENTURIES
IN BELARUS SOVIET HISTORIOGRAPHY**

Lototskii Sergei Mikhailovich, Researcher in the Sphere of Historical Sciences

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

smlot@mail.ru

In the article the issues of war subject matter concerning the history of Belarus in the period of the national-liberation struggle of the Byelorussian people in the XVI-XVIII centuries for the unity with Russia, the Russian-Polish war of 1654-1667 are under study. The author considers and analyzes the key works relating to this theme, which were published by the Byelorussian historians in the 60-70s of the last century. The research is still topical nowadays owing to modern threats and challenges that try the solidity of the centuries-old relations of the fraternal peoples.

Key words and phrases: historiography of war; the Russian-Byelorussian relations; Rzecz Pospolita; the Byelorussian gentry; the Ukrainian Cossacks; national-liberation struggle; the Byelorussian peasantry.

УДК 167+303.01

Философские науки

В статье рассматривается соотношение понятий «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность» и анализируется возможность применения указанных подходов к исследованию человека. В работе выявлены основные проблемы, ограничивающие проведение междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, в частности, такие как несовпадение специализированных языков, присущих отдельным научным дисциплинам, и отсутствие специфической методологии, позволяющей интегрировать разрозненные знания в новую целостную систему.

Ключевые слова и фразы: междисциплинарность; трансдисциплинарность; методология; системный подход; синергетика; гуманитарные исследования; человек.

Лысак Ирина Витальевна, д. филос. н., профессор

Южный федеральный университет

ivlysak@sfedu.ru

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
КАК ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕКА[©]**

Стало уже общим местом рассуждение о сложности и многомерности человеческой природы, о невозможности постигнуть многообразные проявления человеческой личности средствами одной дисциплины. Общей тенденцией развития науки, начиная со второй половины XX века, становится поиск исследовательских принципов и методологических концепций, позволяющих синтезировать знания о человеке, полученные в рамках отдельных научных дисциплин. Складывается устойчивое убеждение, многократно подтвержденное на практике, что только на стыке наук возможно получение действительно нового знания, проявляющего подлинную сущность рассматриваемых объектов. Именно с этим связано широкое распространение новых или объявляющих себя таковыми подходов к исследованию, именуемых междисциплинарностью, мультидисциплинарностью, полидисциплинарностью, трансдисциплинарностью. Также очевидно, что многие современные авторы, указывая, что их исследование «осуществлено в рамках парадигмы трансдисциплинарного

(или схожего с ним) подхода», не вполне осознают специфику обозначенных ими методологических установок. Все это заставляет обратиться к анализу сущности принципов, позволяющих выходить за пределы традиционных дисциплинарных парадигм.

В современной науке существуют диаметрально противоположные взгляды на сущность междисциплинарности и трансдисциплинарности: от их отождествления до принципиального противопоставления. Более того, ряд науковедов подчеркивают, что междисциплинарность присуща науке изначально, и ее не следует выделять как особый исследовательский принцип. Так, известный российский специалист в области теории познания И. Т. Касавин пишет, что «междисциплинарное взаимодействие есть естественное состояние науки» [2, с. 7]. Профессор А. Н. Книгин отмечает, междисциплинарность как принцип не имеет никаких преимуществ перед диалектическим принципом всесторонности рассмотрения. Он критикует сам термин, указывая, что междисциплинарность буквально может трактоваться как «между-дисциплинарность», то есть как анализ сфер, находящихся между интеллектуальными полями отдельных дисциплин. По мнению А. Н. Книгина, было бы более правильно говорить об интеграции отдельных дисциплин, ведь по-настоящему новое знание возникает «на стыке» наук, а не «между» науками [5].

По вопросу о соотношении понятий «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность» также нет единства. Так, немецкий философ Ю. Миттельштрасс считает, что трансдисциплинарность тождественна междисциплинарности, и ее основное значение заключается в том, что она позволяет преодолевать дисциплинарные тупики [7]. Сторонники трансдисциплинарности, напротив, всячески подчеркивают ее принципиальные отличия от междисциплинарности.

Считается, что термин «трансдисциплинарность» впервые ввел в научный оборот в 1970 г. Ж. Пиаже, привлекавший к работе в основанном им Международном центре генетической эпистемологии специалистов разных научных дисциплин. Под трансдисциплинарностью он понимал принцип научного исследования, который описывает приложения научного подхода к проблемам, выходящим (трансцендирующим) за границы конвенционально установленных академических дисциплин [4, с. 22].

Одними из первых термин «трансдисциплинарность» стали использовать специалисты Центра современной антропологии Э. Морена в Париже. Различия между междисциплинарными и трансдисциплинарными исследованиями Э. Морен объясняет следующим образом: «Междисциплинарность может означать только и просто то, что различные дисциплины садятся за общий стол, подобно тому, как различные нации собираются в ООН исключительно для того, чтобы заявить о своих собственных национальных правах и своем суверенитете по отношению к посягательствам соседа. Но междисциплинарность может стремиться также к обмену и кооперации, в результате чего междисциплинарность может становиться чем-то органическим... Что касается трансдисциплинарности, здесь часто речь идет о когнитивных схемах, которые могут переходить из одних дисциплин в другие, иногда настолько резко, что дисциплины погружаются в состояние трансса. Фактически, именно интер-, поли- и трансдисциплинарные комплексы знания работают и играют плодотворную роль в истории науки; стоит запомнить те ключевые понятия, которые здесь привлекаются, а именно кооперация, точнее говоря, соединение или взаимосвязь или, выражаясь еще более точно, совместный проект» [8, р. 136].

В 1987 г. был создан Международный центр трансдисциплинарных исследований, на первом съезде которого была принята Хартия трансдисциплинарности. Один из ее авторов, румынский физик Б. Николеску, сформулировал три важных методологических постулата. Согласно первому, реальность многоуровневая, и каждая дисциплина изучает лишь один из ее уровней. Трансдисциплинарность стремится понять динамику процесса на нескольких уровнях одновременно, соединяет фрагменты реальности, исследованные конкретными дисциплинами, в единую картину. Второй постулат трансдисциплинарности заключается в логике включенного третьего. Трансдисциплинарность объединяет по принципу дополненности то, что с позиций частных дисциплин рассматривалось как противоположное. И, наконец, третий постулат – сложность. Трансдисциплинарность пытается понять реальность в ее сложности.

В современной российской науке активными сторонниками трансдисциплинарности являются Л. П. Киященко и В. И. Моисеев, так объясняющие ее отличие от междисциплинарности: «Ситуация междисциплинарности – это ситуация переноса знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений... Ситуация трансдисциплинарности... предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся «проходимыми», что способствует появлению разного рода систем «поверх» дисциплинарного деления, «меж»-системных образований, «экстра»-систем и т.д.» [4, с. 23].

Уточняя указанные понятия, Л. П. Киященко пишет, что о междисциплинарности можно говорить в случаях, когда различные дисциплины, взаимодействуя друг с другом, образуют новую дисциплину (так, например, сформировались биохимия или биофизика), либо когда теоретические представления или исследовательские практики одной дисциплинарной области проникают в другие, используя там для решения дисциплинарных вопросов [3, с. 17]. Трансдисциплинарными же являются такие познавательные ситуации, в которых научный разум вынужден в поисках целостности и собственной обоснованности «осуществить трансцендирующий сдвиг в пограничную с жизненным миром сферу» [Там же, с. 18].

Взвешенный подход к соотношению рассматриваемых понятий демонстрирует Е. Н. Князева, считая их близкими по смыслу, но имеющими некоторые концептуальные разграничения [6]. С ее точки зрения, мультидисциплинарным (или полидисциплинарным) может считаться такое исследование, когда какой-либо объект (например, человек) изучается одновременно с разных сторон несколькими научными дисциплинами. Каждая из дисциплин использует собственную методологию, свои теоретические допущения, вносит

свой вклад в «общую копилку» знаний об объекте. Междисциплинарность предполагает кооперацию различных областей знания, использование ими общих понятий. Трансдисциплинарность свойственна исследованиям, которые идут «через», «сквозь» границы многих научных дисциплин и выходят за их пределы на более высокий уровень, стоящий над конкретными дисциплинами. Трансдисциплинарным исследованиям свойственно холистическое видение предмета изучения. Такие исследования характеризуются переносом схем из одной дисциплинарной области в другую.

Таким образом, в современной науке отсутствует общепринятая точка зрения по вопросу соотношения междисциплинарности, полидисциплинарности и трансдисциплинарности как исследовательских принципов. Однако авторов, спорящих по поводу терминологических различий, объединяет убежденность в том, что дисциплинарная ограниченность не позволяет составить целостное представление о многих сложных многоуровневых объектах исследования, в том числе о человеке.

Как известно, человек является объектом изучения многих естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Кроме того, сущность и природа человека исследуются в искусстве, религии, мифологии. Полученное там знание способно прояснить, представить более наглядно отдельные составляющие природы человека. Особо следует подчеркнуть значимость художественного знания. Ведь рационалистские концепции не способны в полной мере объяснить ценностно-смысловую сферу человеческого бытия. Чувственность, старательно изгоняемая из новоевропейской науки, является не менее значимой, чем рациональность. Значимость и эвристический потенциал междисциплинарности и трансдисциплинарности в исследовании человека состоит именно в том, что они позволяют установить связь между естественными и социально-гуманитарными науками, а также иными сферами духовной культуры, и таким образом, выявить новые грани человеческого бытия. Однако указанные подходы обнаруживают и существенную проблему – проблему несовпадения специализированных языков, присущих как отдельным научным дисциплинам, так и различным сферам художественной культуры. Если гуманитарии еще могут «договориться о терминах», то адекватный диалог между представителями естественных и гуманитарных наук «языковая несовместимость» делает практически невозможным. При этом большинству гуманитариев очевидно, что нельзя понять природу человека без обращения, скажем, к достижениям современной генетики.

«Языковая несовместимость» является лишь одним из проявлений методологического кризиса, свойственного наукам о человеке. Междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования требуют специфической методологии, позволяющей не механически соединять разрозненные фрагменты знания, а интегрировать их в новую целостную систему. Вся история науки, начиная с середины XX века, является историей поиска такой методологии. В этот период широкое распространение получили так называемые «науки о системах» (Systems Science), основой которых является «общая теория систем». Применение системного подхода к исследованию предполагает установление состава, структуры и организации элементов и более крупных частей системы, именуемых подсистемами, а также обнаружение основных взаимодействий между ними; выявление внешних связей системы и определение основных из них; определение функций системы; обнаружение закономерностей и тенденций их развития. Системный подход успешно применялся и применяется к исследованию многих областей действительности, в том числе и к исследованию человека, однако в последние десятилетия XX в. он часто подвергался критике. В частности, негативно оценивался присущий системному подходу детерминизм, нацеленность на выявление жестких причинно-следственных связей.

Параллельно с системным подходом на роль интегральной методологии в указанный период претендовала кибернетика, выявляющая общие закономерности процессов управления и передачи информации в различных системах. Так, Дж. Роуз в 1970 г. писал: «Современная тенденция состоит в том, чтобы рассматривать кибернетику... как философский подход, имеющий целью синтезировать огромное разнообразие наук, как фундаментальных, так и прикладных – подлинная царица наук XX столетия, которая утверждает существенное единство живого и неживого» [9, р. 9-10]. «Царственные» устремления кибернетики также не оправдались.

Преодолеть недостатки системного подхода и кибернетики как интегральных методологий в определенной мере позволило становление и развитие синергетики, изучающей сложные системы, способные к самоорганизации, самодвижению от хаоса к порядку. В последней трети XX века сложилось три версии или три модели синергетики: модель Г. Хакена (Университет Штутгарта), модель И. Р. Пригожина (Брюссельский свободный университет и американская синергетическая школа), модель российской школы С. П. Курдюмова (НИИ им. М. В. Келдыша, Институт математического моделирования РАН, МГУ). По мнению отечественного ученого Ю. А. Данилова, «синергетика с ее статусом метанауки изначально была призвана сыграть роль коммуникатора, позволяющего оценить степень общности результатов, моделей и методов отдельных наук, их полезность для других наук и перевести диалект конкретной науки на высокую латынь междисциплинарного общения» [1, с. 10]. Принципы синергетики успешно применяются и к анализу социально-гуманитарных систем, однако следует отметить, что чрезмерная «увлеченность» синергетикой, своеобразная «мода» на нее в 90-е гг. XX в. привели к тому, что в ряде исследований синергетические принципы упоминались не всегда к месту, вызывая обоснованную критику.

В настоящее время на роль интегральной методологии претендует также *Complexity Science* (на русский язык буквально переводится как «наука сложного» или «наука о сложности»), в русскоязычной литературе именуется также «наукой сложных систем». Указанная методология пытается интегрировать основные достижения и преодолеть недостатки общей теории систем, синергетики, кибернетики, теории динамических систем и компьютерного моделирования.

Итак, значение междисциплинарности и трансдисциплинарности как подходов к изучению человека заключается не только и не столько в том, что они способствуют более глубокому изучению объекта, а в том,

что они позволяют по-новому формулировать проблемы, открывают новые перспективы исследования, казалось бы, давно изученного. Безусловно, сами идеи создания некоего универсального языка науки или единой методологии, применимой ко всему многообразию объектов окружающего мира утопичны. Однако сложно оспорить тот факт, что интеграция естественнонаучного и гуманитарного знания на основе прочного методологического фундамента может открыть новые перспективы в изучении человека.

Список литературы

1. Данилов Ю. А. Роль и место синергетики в современной науке // *Онтология и эпистемология синергетики*. М.: ИФ РАН, 1997. С. 5-11.
2. Касавин И. Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // *Эпистемология & философия науки*. 2006. Т. X. № 4. С. 5-17.
3. Кнященко Л. П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа // *Santalka. Filosofija*. Vilnius, 2006. Т. 14. № 1. С. 17-38.
4. Кнященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.
5. Книгин А. Н. Междисциплинарность: основная проблема // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2008. № 3. С. 14-21.
6. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 10. С. 193-201.
7. Mittelstrass J. Interdisziplinarität oder Transdisziplinarität? // *Utopie Wissenschaft. Ein Symposium an der Universität Hannover über die Chancen des Wissenschaftsbetriebs der Zukunft (21-22 November 1991)* / hrsg. L. Hieber. Munich – Vienna, 1993. S. 17-31.
8. Morin E. *La Tête bien faite. Repenser la Réforme – Réformer la Pensée*. Paris: Editions du Seuil, 1999. 155 p.
9. *Survey of Cybernetics: a Tribute to Dr. Norbert Wiener* / ed. by J. Rose. London: Iliffe Books, 1969. 391 p.

**INTERDISCIPLINARITY AND TRANSDISCIPLINARITY
AS APPROACHES TO INVESTIGATION OF HUMAN BEING**

Lysak Irina Vital'evna, Doctor in Philosophy, Professor
Southern Federal University
ivlysak@sfnu.ru

The article examines the correlation of the concepts “interdisciplinarity” and “transdisciplinarity” and analyzes the possibility for the application of the mentioned approaches to the investigation of a human being. The paper reveals the basic problems setting limits to the implementation of interdisciplinary and transdisciplinary investigations, such as the divergence of special languages characteristic for certain scientific disciplines and the lack of specific methodology allowing integrating separate knowledge into a new integral system.

Key words and phrases: interdisciplinarity; transdisciplinarity; methodology; systemic approach; synergy; researches concerning humanities; human being.

УДК 069.6

Культурология

Проблемное поле сохранения историко-культурного наследия определяет ряд задач музееведческой науки. Последовательность процессов выявления, сохранения, изучения, интерпретации и актуализации материальных и нематериальных объектов наследия относится к научно-практическому подходу музеефикации памятников. Приведенный в статье анализ историко-культурной среды дачной местности на примере Гатчинского района Ленинградской области и Курортного района Санкт-Петербурга обосновывает необходимость ее сохранения и интегрирования в современное культурное пространство. Впервые автор рассматривает дачное пространство XIX-XX веков в качестве объекта средовой музеефикации.

Ключевые слова и фразы: дачная культура; историко-культурная среда; объекты материального и нематериального наследия; музеефикация; средовой музей.

Нарышкина Евгения Анатольевна

Информационно-краеведческий музейный центр Гатчинского муниципального района
n-eva78@yandex.ru

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ДАЧНОГО ПРОСТРАНСТВА
КАК ОБЪЕКТ СРЕДОВОЙ МУЗЕЕФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГАТЧИНСКОГО РАЙОНА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И КУРОРТНОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА) ©**

В настоящее время остро обозначилась проблема самоидентификации национальных сообществ в процессе мировой культурологической глобализации и унификации. Сохранение материального и нематериального